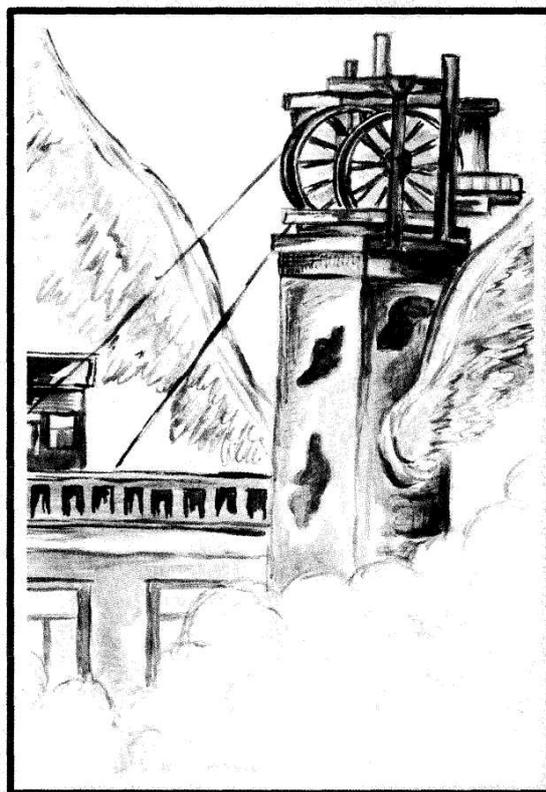

*О, Русь, взмахни крылами!...
Сергей Есенин*

МОСБАСС

*Литературно-краеведческий
народный журнал*

г. Сокольники Тульской области

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ: «МОСБАСС» ИЗ СОКОЛЬНИКОВ

Русский поэт и художник Юрий Васильевич Карельский родился в 1958 году на севере России в Архангельской Области на станции Емца. Детство и юность его прошли в центре России, в поселке Гипсовый Тульской области, Новомосковского района. Сильную тягу к рисованию почувствовал очень, очень рано. С шести лет начал заниматься в кружках ИЗО, поражая преподавателей своими рисунками, этюдами пейзажей неброской, тихой красоты русской природы.

Пейзаж — не возможно создать равнодушной кистью. Даже в самом скромном этюде Юрия Васильевича, чувствуется искра творческого волнения, того живого изучения окружающей нас природы, которыми отмечены работы лучших живописцев.

Стихи Карельского, в жанре японской поэзии хокку — изумительно красивы. Свободны в изложении и необыкновенно просты.

Валерий Кручинин-Русич
(г. Сокольники)

РУСАНОВКА

Ю. Карельскому посвящается...

Если кто талантлив по настоящему, то он талантлив во всем. «Кто первым сказал это, наверняка сам был человеком незаурядным. Как удачно подмечено»,— всегда думал я, когда кто-нибудь в разговоре произносил эту, уже ставшей цитатой фразу. Кем-то выведенное правило, так и осталось бы навсегда для меня крылатым выражением, если бы не случайная встреча с одним фантастически одаренным человеком.

Прошлым летом решил я объехать места, откуда пошел мой род по отцовской линии. В начале тридцатых годов прошлого века, в деревушке, с дорогим моему сердцу названием Русановка, что пятьсот лет стоит на границе Рязанской и Тульской губерний, жила большая, русская семья. У моего деда, Сергея Михайловича К..., родилось семь сыновей и четыре дочери. К тому времени трое старших были уже женаты и жили с семьями в своих домах, но хозяйство вели общее с отцом. Работников никогда не нанимали. Трудились сами от зари до зари. Считались в деревне хозяевами справными, зажиточными. Когда образовался колхоз, дед мой, с сыновьями, в него вступать не стал. Но и единоличниками пробыли не долго. В 1935 году власть

поставила им ультиматум. Или в колхоз со всем имуществом и инвентарем, или с семьями в Сибирь. Дед был человеком умным и решительным. Спорить не стал. Что смог продать, продал. Дал взятку председателю сельсовета, выправил справки и уехал со всей фамилией в Бобрики, на шахты. Отцу моему, самому младшему ребенку в семье, было тогда двенадцать лет. По его рассказам, ему очень не хотелось уезжать из деревни. Особенно жалко было расставаться с садом. Огромным. Тенистым. Он начинался прямо за задним двором. В самом конце его, в низине, били родники и брала начало небольшая речушка, с необыкновенно красивым названием — Теменка. Помнил отец и то, что вода в ней была холодная-холодная и чистая-чистая — до синевы. К своему стыду я ни разу не был у него на родине. В детстве он все собирался съездить со мной и показать те места, где родился. Но, что-то всегда обязательно мешало этому. В 197... году отец умер. Старые, фронтовые раны добились его.

Я выехал рано утром. Доставшаяся в наследство от родителя «копейка», шла ходко, листая километр за километром. Где находится родовое гнездо, представление имел смутное. Но ориентиры были. Епифань. Кремлево. Хитровщина. Делехово. «Где-то меж них затерялось, небогатое наше село», — с оптимизмом давая на газ, думал я. В детстве мы с сестрой часто слышали эти названия от своих дядек, теток и двоюродных братьев, которые были на целую жизнь старше нас. За маленьким шахтерским городком Кимовск начиналась прекрасно асфальтированная дорога. Проехав по ней верст тридцать, я стал останавливаться в деревнях и расспрашивать старожил о Русановке. Но никто из моих собеседников никогда даже и не слышали о ней. «Как же так, — про себя поражался я, — прожить в этих местах всю свою жизнь и ничего не слышать о деревушке с таким красивым названием». Но позже выяснил: многие, с кем я тогда разговаривал, вовсе не были здешними старожилками. Это были москвичи — дачники, скупившие дома во многих деревнях расположенных вдоль шоссе. Что им до моей Русановки, про которую и сам-то вспомнил, когда прожил уже большую половину своей жизни.

Расспрашивая стариков близ лежащих деревень, незаметно для себя заехал на рязанскую землю. В окружающей местности ничего не изменилось. Заметно изменился выговор у местных жителей. «Люськя! Ванькя!» — кричала кому-то пожилая женщина у крайнего дома. Вот точно так же, много-много лет назад, с такой вот до боли знакомой родной интонацией в голосе звала нас с сестренкой домой наша бабушка Екатерина Алексеевна. «Ну, эта бабулька точно не из Москвы» — вылезая из машины, думал я.

На мой вопрос о близлежащих деревнях она ответила не задумываясь. И перечислила добрых полтора десятка названий. Но то, чего с гулко бьющимся сердцем ждал я, она не назвала. «А про такую Русановку, не слышали?» «О-о! Мила-ай», — нараспев сказала она. — Ее уж лет десять как нет» «Куда же она делась?» «А кто куда. Старики поумирали. Молодежь разбежалась. Неперспективная, тогда все говорили». Я поподробней расспросил ее, как туда проехать. Внимательно выслушал. Поблагодарил. И уже минуту спустя, выжимал из старенького «Жигуленка» все, на что он был способен. Доехав до указателя «Ломакино 7км», свернул вправо. Дорога оставляла желать лучшего. Трактора так разуделали ее, что до Ломакино пришлось добираться часа полтора. Село было огромное и унылое. Я посмотрел на часы. Стрелки показывали начало восьмого. Кругом будто вымерло все. Посередине села, на возвышении, разваленная церковь. И такой же, с вырванными рамами и обвалившейся крышею, клуб. Из села во все стороны выходило множество дорог. Три из них были асфальтированы. Их я сразу отмел. Как правило, такие дороги, приводили всегда к коровнику или свинарнику. Пока выбирал хату, где расспросить о Русановке, насчитал десятка два полуразобранных, кирпичных домов. Остановился на добротной с высоким крыльцом избе. Старинной. Срубленной в ласточкин хвост.

Рядом с ней стоял трактор «Беларусь». Долго никто не открывал. Последний раз громко постучав в окно, я уже собрался уходить, как услышал шаркающие шаги. Дверь открыл небритый и опухший от пьянства мужик. «Послушайте,— начал я.— Деревня Русановка, когда-то здесь была. Не подскажите где?». Хозяин смотрел на меня красными воспаленными глазами и молчал. «У тебя стакан есть?» — неожиданно для самого себя задал я следующий вопрос. «Проходи!» — мотнул он кудлатой головой. Я вернулся к машине. Взял бутылку водки, пакет с ветчинной нарезкой и вошел в избу. Дом был большой, пятистенный. С огромной горницей-залом, с просторной кухней и тремя комнатами поменьше. Николай Павлович, хозяин, когда-то работал механизатором. Но колхоз уже лет пять, как развалился. Работы здесь нет. Живут случайными заработками и огородом. Жена к детям в город поехала с внучатами сидеть. Всю прошлую неделю беженцам-переселенцам кирпич на своем тракторе возил. Они в селе половину каменных домов скупили. Разбирают. И у леса свой поселок строить начали. На одном дыхании выдал мне Палыч после первого стакана. «Что это за беженцы такие? Дома скупают?» — поинтересовался я. «А шут их знает. Откуда-то с Кавказа. По-русски — ни бельмеса. Все спиртом расплатиться норовят. Сволочи», — заскрипел зубами быстро охмелевший хозяин. «А деревушку Русановку, знаешь?»

«Была такая,— закуривая папиросу сказал Николай Павлович. Лет десять назад выселили всех оттуда. Кого к нам в Ломакино, кто вообще с родных мест уехал. Ну, это молодежь в основном. Кирпич чучмекам я с Русановского коровника возил. Они его уже месяц ломают. А места там красивые. Мы пацанами, у них в Теменке, раков всегда ловили. Родники кругом бьют. Вода в них сладкая. Сад рядом старинный, довоенный еще. Яблоки в нем — с мою бестолковку были». Николай Павлович тронул рукой, свою лохматую, давно нечесаную голову. «Нашел!!! Нашел!!!» — заликовала каждая клеточка моего тела.

«Ну что, дядь Коль, по сто грамм»,— предложил я и потянулся за бутылкой. «Да что там по сто. Хлящи по полному» — махнул он рукой.

Ночевал я в машине. Утром еще раз расспросил ничего не помнящего Палыча о Русановке. Он довольно толково объяснил, как туда лучше проехать. Опохмелившись с радушным хозяином пивом, мы распрощались. Километра за три от Ломакино, перевалив через бугор, я увидел отцовскую Русановку. Вернее то, что от нее осталось. Кучи мусора, груды битого кирпича на месте жилых домов и заросшие сиренью фруктовые сады. Недалеко от того места, где я остановился, два дочерна загорелых парня разбирали остов какого-то здания. Они аккуратно очищали кирпич от старого раствора и складывали его в тракторный прицеп. Я подошел к ним. Поздоровался. «Мужики, где здесь родники бьют!?» Мужики молчали и как-то пугливо и недружелюбно, косились на меня.

Я хотел было поговорить с ними, но вспомнил слова Николая Павловича: «Чучмеки. По-русски — ни бельмеса». Да и о чем мне было говорить с ними. Я завел машину и тихонечко тронул. Широкая утоптанная домашним скотом дорога, уходила куда-то за груды мусора. Объезжая свежие коричневые лепешки, я поехал по ней. В зеркале заднего обзора увидел огромного тощего пса. Он вылез из под тракторного прицепа и, опустив голову, понуро ковылял за моей машиной. Дорога привела к небольшому ручью, с топкими, заросшими густым ивняком берегами. «А ведь это Теменка!!!» — осенило меня. Заглушив мотор, я вылез из машины, и ноги сами понесли меня вверх по ручью. Навстречу, из-за поворота, вышло стадо молодых бычков. Его сопровождали двое мужчин среднего возраста. Очень возбужденные. Жестикулируя руками, они громко спорили или ругались меж собой, на незнакомом языке. Увидев меня, замолчали и, хлещя скотину гибкими ивовыми прутьями, быстро погнали стадо вниз по ручью.

Возле родников, красиво и аккуратно обложенных серыми, большими булыжниками, стоял парень лет тридцати. Чуть поодаль от него валялся опрокинутый мольберт с незаконченной картиной. Мужчина был явно не в настроении, если не сказать взбешен. Злое покрасневшее лицо, крепко сжатые зубы и кулаки, свидетельствовали об этом. Я сразу связал это с пастухами, минуту назад, прогнавших мимо меня стадо. «Что землячок, наехали? Может помочь разобраться?» — кивнул я в сторону скрывшихся за поворотом пастухов. Затвердевшее, прекрасное в своей решимости лицо парня смягчилось. «Если это могло решить что-нибудь, ни секунды не колебался бы», — уже совсем по-доброму улыбнулся мне мужчина. «Юрий Карельский. Художник», — протянул он руку. «Валерий. Охран...» — выпалил я и прикусил язык. Мне стало почему-то стыдно за свою нынешнюю профессию. «А что у вас здесь случилось?» — поспешил задать вопрос я. «Понимаешь... Вот, уже года три я пишу здесь этюды. Место уж очень красивое. И три года бьюсь с этими беженцами. Они скот свой сюда поить водят. А старики говорят, родники наши воду дают до тех пор, пока глаза людей видят. Я и со старейшинами их говорил, и с пастухами, и с молодежью. Да все бестолку. А знаете, как эта деревушка называлась?» — улыбаясь, спросил он меня. И тут же сам ответил: «Русановка!! И сад этот», — он указал рукой на заросшую сиренью, черемухой и молодыми яблонями-дичками, огромную посадку, — ломакинские «К-им» зовут»

«А вы, наверное, здешний!? Угадал?» — полуутвердительно, полувопросительно закончил он. «Да. Верней деда мои здесь жили. Батянька родился. Что-то вот потянуло на старости лет», — еле сдерживая закипавшие слезы выдавил из себя я. «Слушай! Да тебя мне сам Бог послал!! Я тут собирался родники почистить и валунов побольше кругом накидать. Да тяжело одному с этими глыбами справиться. Ну что! Сделаем!? Согласен!? Двое не один!» — тугим от радости голосом зачастил он. А на меня что-то так накатило, стоял, слушал и еле-еле сдерживал слезы. Пауза грозила затянуться. Крепко сжав веки, я, как «владимировский» тяжеловоз, быстро закивал головой.

До позднего вечера, пока уже совсем не стемнело, я выворачивал по берегу Тененки огромные валуны и таскал их к ключам. А мой новый знакомый, художник Юра, убрав свежие коровьи лепехи, аккуратно, не дыша, очищал родники от затаивающего их ила. Рядом с нами крутился увязавшийся за мной утром старый пес. Когда я, проводив Юрия, готовил у костра ужин, он подошел и доверчиво, ткнулся мне в колени. Я по братски разделил с ним все, что у меня было из съестного. Укладываясь спать, твердо решил: не уеду отсюда до тех пор, пока не вычищу и не огорожу валунами роднички с такой холодной и хрустально чистой водой. И Юрик пускай свои этюды спокойно пишет. Да и к «чучмекам» сходить надо. Поговорю с ними по-своему, по-шахтерски. Уже засыпая, А под утро, мне приснился странный сон. Со всех сторон на меня мчатся всадники. В пестрых халатах, в лохматых, с болтающими сзади лисьими хвостами шапках, размахивая сверкающими на солнце кривыми клинками, они стремительно приближались. «Хазаро-ордынская конница», — сочным баритональным басом пророкотал кто-то позади меня. Я обернулся. Умными, человеческими глазами на меня смотрел приبلудившийся вчера пес. «Красиво идут. Элита», — подмигнул он мне правым глазом. Удивляться и болтать с говорящей собакой — уже не было времени. «Тащи патроны!» — приказал я ему. И стал устанавливать вдруг откуда-то появившийся пулемет «максим». На его щитке стояло клеймо — «Тульский Оружейный Завод».

Юрий Карельский

(г. Сокольники)

КАРЕЛЬСКИЕ ХОККУ

Лето!
Солнце пахнет травой.
В поле один пою.

* * *

Улетели две птицы;
На запад одна, на восток другая,
Жду вестей посредине неба.

* * *

Ест апельсин
Негр конопатый; —
Звездное небо с луной.

* * *

Зеркало
То, что не я,
То мною быть должно.
Должно не мною быть
То что не я.

* * *

Там, где вода плотнее железа,
Плывет мой корабль —
Плыви мой корабль!

* * *

На дороге пустынной вдали,
Где о камни стирается свет,
Я увидел сквозь время себя.

* * *

В ночи молчании немом,—
(Так рыба подо льдом на звезды смотрит,
Губами льда холодного касаясь),—
Он смотрит в бездну незнакомую доселе.

* * *

Зимою подо льдом
На дне реки спит рыба,
Все мысли наши прячущая в сон
Песка.

* * *

В молитвенной тиши
Журчит ручей холодный
Меж устланных листвою золотой камней,
В молитвенной тиши.

* * *

Как ночь длинна
В ночи осенней!
Как ночь!

* * *

Как светлы небеса
Над золотом листвы!
«Пора забыть о лете...» — крик уток в вышине.

* * *

Замри, не шевелись и стой;
«На лезвии ножа» последний лист —
Пустынны небеса,
И ветер метет песок грачиных голосов.

* * *

Он был не тем, кем был,
Я знаю;
Его уж не найти мне никогда.

* * *

В тиши, в ночи...
Я помню
Взгляд мне не понятный —
Неведомого взгляд,
Как двери в лабиринты пирамид,
Как прошлое, которое всегда,
Глядит и думает о том, что будет.

* * *

Все то, что мы друг другу не сказали,
Уж не понять
В словах без слов, замкнувших время.

* * *

Как ощущение вины
Приводят к убеждению в правоте
Свидетелей живых забавы смерти?

* * *

Не укрыться ею, не напиться ею...
Словно и не я —
Кто-то жизнь прожил.

* * *

Ноги росой росил по утру весной,
Сгорал под солнцем летнего полдня,
Брел в осенних туманах
Через жнивье вечерних полей
К звездам в ночи у дома.

* * *

Нет меня, нет нигде...
Ветки тень с запада на восток —
Скоро весна.
Как далеко — там, где вновь появлюсь?
Нет меня, нет нигде...

* * *

Камни говорят?
Камни говорят...
О тебе.

* * *

Мыслить и не быть:
Только я на пути у себя
И тень солнца.

* * *

Они не знают...
И мы не уверены...
Гуси на север,
Клин в клин, дорогою звезд.

* * *

На дне реки
Ленивые воды
Смывают тень карася
С камня, где спрятано
Слово.

* * *

Весенние войны за звезды —
Жажда нового мира
Соловьев.

* * *

Небеса поют,
Дышат звезды белым дымом черемух.
Вот так (с того света я возвращаюсь будто),

После тихих столетий зимы весна
Сладкой водою дождя
Наполняет ладони...
Не знаю...
Не помню, что там было;
Только жизни приснится жизнь.

* * *

Сознание, убежавшее за свои пределы,
Возвращается без самого себя;
Так что и хозяину трудно признать
В нем родное; и оно, возвращаясь к хозяину,
Видит в нем скучного,
Перепугано что-то ищущего глупца.

* * *

Допоздна в огороде работаю; —
Длинные тени; —
Моя коснулась луны.

* * *

Светло душе, легко
В морозный день,
Собаки на дворе
Полаять вместе с ними?!

* * *

ПОЭТ.
В ночной и звездной тишине. Рыбак
Удит химер
В пруду своей души.

* * *

Деревья в заброшенном монастыре —
Сколько вы знаете !? —
Столько молчать мне.

* * *

Старая сосна,—
Муравьи ползут вверх-вниз,—
На вершине был ли кто?

* * *

Весь день,—
В ночные сети,— тянут два рыбака
Мои глаза.

* * *

Дрова,
Горящие так быстро,—
Мы.

* * *

Весною к радости,
Осенью к печали.
Пахнет крапива.

* * *

Лишь время
Считает волны
И сердца удары.

* * *

Горькие пьяницы,—
Кто же вас сделал такими одинокими?,—
«Мысли о небесах».

* * *

Поселилась луна
В темный пруд
Одинокого сердца.

* * *

О том, кто построил небо,
Еще не забыли
Птицы.

* * *

На вершине
Уже ничего,
Только все.

* * *

Ладони:
Словно за хлебом очередь,—
Солнцу молитвы.

* * *

Недолгий век,
Но к солнцу тянет руки
Весенняя трава.

* * *

В развалинах бывшего
Юность видит тайну
Позор всем старикам!

* * *

Там на горе,
Где небо открыто,
Мы звезды трогаем руками.

* * *

Мысль тоньше иглы,
Но и ею
Неба не проколоть,
И все же дождь...

* * *

Арийское море.
От риши,— арийских певцов,—
Мне досталось наследство —
Пол-уха.

* * *

Луна на ветку села,
Послушать соловья;
Ведь год его ждала.

* * *

Тень мысли — слово.
А ночь чья тень?
А небо ночью — чья?

* * *

Снег сошел,
Возвращаюсь весной домой.
Словно не знали меня никогда
Родные места —
Тихи, молчаливы.

* * *

В утренний туман над лугом... —
Опрокинул жеребенок молока ведро —
Луну.

* * *

В доме, где нет меня,
Кто хозяин?
Сны о далеких странах.

* * *

Несется над полями
Метель, как бритва острая,—
Вот-вот отрежет небо.

* * *

Февраль
Ветер ледяной
За холмы сдувает
Солнца уголек.

* * *

Зеркало
Справа я тот, кем хочу быть,
Слева — тот, кем никогда не был:
Будущее в какой стороне?

* * *

У старой церкви, на снегу
Свечи огонь от ветра ель укрывает, —
Чьей душе легко?

* * *

Дитя, не бойся,
Все —
Зима ушла.

* * *

Сколько огней
В океан ночной звезды обростили!
Сайры путина.

* * *

Черный бархат, —
Снизу вверх огни —
Сайры путина.

* * *

Волосы сорной травы
Спутал в поле ветер;
Буйный нынче народ;
В белой ярости солнце,
Яркое солнце над головой.

* * *

Снегом покрыт Кунашир,
У костра руки —
Мой несбывшийся сон.

* * *

Жизнь простоял,
Тятя-ямой любуясь,
Старый маяк на мысу.

* * *

Где бухта? Где сопки?
«Эй» — кто-то зовет в тумане
«Эй» — корабль отзывается.

* * *

Тяни скорей рыбак! —
Луна с плотвою серебристой.
Попала в сети.

* * *

Зимой никто-никто,
Подумаешь об этом —
Час длиннее жизни.

* * *

Где нет любви —
Зима зиму сменяет,
Где нет любви

* * *

Чья лодья с парусами облаков
Беззаботно плывет в океане весенних трав? —
Это сердце мое.

* * *

Платья облаков
Штопает в ночи
Молнии игла.

* * *

Весной и ночь самой себя боится;
Ножами молнии секут ее одежды,
К рассвету в клочья изрезая тьму.

* * *

В сны свои весна пусти —
Буду на крыле у ветра
Мотыльком порхать над лугом.

* * *

Чей след у края волн? —
Крыло песка коснулось —
Строка Басе-поэта.

* * *

Мечтал я о весне,
Всю ночь зима мне снилась —
Не буду просыпаться.

* * *

Словно мух кровати,
В мягкой паутине
Сто чешуек почек.

* * *

Смотрим, — мы с луною, —
Капля в паутине,
Паучок спросонья выбежал попить.

* * *

Весною все поет!
Нет места тишине!
А рыбы как поют?

* * *

Детвора ликует:
В небе змей бумажный
Журавлей догнал.

* * *

Река в тумане;
Кукушка близко, — далеко другая
Года считают рыбакам.

* * *

Они где-то там —
Кто знает еще —
Дальние небеса.

* * *

Тайна — песни соловья;
Кто прислал его?
Не знаю.

* * *

В майскую ночь не сплю:
Слушаю — говорят меж собою
Соловьи и звезды.

* * *

Обод колеса
Линию дороги всю измерил;
Сам же все по кругу —
Так и жизнь моя.

* * *

Вкус хлеба —
Все,
Что унесу с собой на небеса.

* * *

Так высоко!
Ночь вхождения в храм —
Летнее солнцестоянье:
Две тени — запада и востока
Коснулись середины — соединились.

* * *

Сегодня
Никто не умрет! —
Летнее солнцестоянье.

* * *

Шепчут молитвы
Деревья и травы —
Летнее солнцестоянье.

* * *

Горох в коробке —
Сравнение этой книге, —
Смеюсь...

* * *

Старик с детьми играет в прятки,
Закрыв лицо руками,
Вот-вот увидит детство.

* * *

В ночи без луны
Лишь от фонаря
В два шага дорога.

* * *

Если в теплой ночи
Долго шарить рукой в траве;
Может удастся схватить
За хвост змею.

* * *

Лето. Жара.
В домах разговор о ценах, дожде и
КОНЦЕ СВЕТА.
Пахнет клубничным вареньем.

* * *

Основное учение на земле, под землей,
В воде и небесах — это учение
О предчувствии.

* * *

Мои следы вперед,—
Мои следы обратно,
И больше никого за сотни тысяч лет.

* * *

Опутывает ноги веселая трава,
Зовет: «Живи у нас, мы знаем
Дорогу к солнцу».

* * *

Лето — день равен жизни,—
Сладкие реки тепла,
Солнце в руках у каждого.

* * *

ЛЕТО.
Я весь — это небо и эта земля,
Меня почти,— нет...,
Только шелест травы,
Только оттенки древно

* * *

«Я выше!..», «Нет, я!», «Я до солнца достал!»
Стрекочат кузнечики в травах,
И прыгают, прыгают,
«Чик!» —
И летит над землей.

* * *

Словно поезд в пустыне без машиниста
Несется куда-то,
Без остановки и поворотов я живу.
Жизнь не дальше, а в глубину
О чем же последний сон?

* * *

Если б не вышел в дождь,
Никогда не узнал бы;

Жил бы да жил себе в стороне
От мест, где пахнет гречиха в дождь.

* * *

Осеннее утро,
Ворон на ветке греется —
Уголь сырой.

* * *

Я уже никуда не спешу.
Мне уже ничего не надо.
Золотые пожары осени —
Мне награда.

* * *

Не скопил, а уже растратил,
Не любил, а сердце выжег.
Мне бы хвост как у дворняги
Рыжий.

* * *

Нет ничего...
Лист осенний по небу,
Словно отставший гусь...
И не было ничего!

* * *

Там, где уже не нужен,
Туда, где не нужен еще...
Вижу не разбирая, лишь чувствуя...
В дверь не входи весь,
Стой на пороге!

* * *

Вечернее солнце.
Бреду с огорода усталый
Сквозь аромат сурепки.

* * *

о. КУНАШИР.
Над проливом плывут облака,
Смотрю на горы Хоккайдо,
Вряд ли когда-нибудь встречу с Басе.

* * *

Огромное поле!
Муравей на ладони —
Пахаря лошадь.

* * *

Зимняя ночь. Смотрит в окно освещенное робко снегурка.
Словно сон про покойника,
Выпавший снег весной.
Под масками древних зима.

* * *

В ослепительном блеске
Предо мной великан до самого неба —
Весна!

* * *

Знал ли я о тебе?
Скажи, что между нами,
Дальнее эхо.

* * *

Весь мир в амулете —
Одиночество после пятидесяти.
...

* * *

ОТЦУ
Долго живешь...
И вспомнишь неясно из детства
Чьи — то глаза

* * *

Короток век их.
Любовью все не насытятся
Осенние мухи.

* * *

Осень
Тихо в саду.
Незначай...
Яблоко упало.

* * *

Осень
Белая хризантема
К черной земле пригнулась.
Может быть выпадет снег?

* * *

Игрушка шарманка детская:
Крутят круги прощальные в небе
Печально крича журавли.

* * *

ЖИЗНЬ

Сквозь запах ирисов
В вуали серебристой
Весенняя луна плывет над садом,
Где в тени ветвей
Жених с невестой в торжестве ночном
Прекрасны, робки и взбудоражены —
Собачья свадьба!

* * *

Замок на один оборот,
Облако нежных духов...
Пока я искал «ничто»,
Ко мне заходила Весна.

* * *

Тихий осенний вечер,
Прелого запах чуть странный;
На зиму солят капусту
В воинской части солдаты.

* * *

Словно дракон на шестах,
Парусом ветер вздувает
Яблони ветви в цвету.

* * *

Копченая скумбрия —
Кофе ячменного вкуса,
В сливовой розовой пудре луна,
Сине-весенний вечер
Свежей полыни запах,
Грею над чашкой руки,
Мне не понять бессвязность
Мыслей, на ум приходящих.

* * *

Одиноко,
Словно призрак блуждаю
В снах о детстве далеком.

* * *

Когда умрет луна,
И нет ее в ночи,
Напрасно вы не верите в коварство;
Она лицо руками закрыв,
И незаметно идет по небу днем,
Следя за нами.

* * *

Мухи осенние шевелятся,
Падают на пол в бессилии
Нового Папу римского
Люди хотят набожить.
Хочется до неизбежности
Призванному доверить
Выбор судьбы и меры
И мира, в котором
ВСЕ УЖЕ ПРОИЗОШЛО.

* * *

За полем в деревне
Созрела тыква-луна,
Лет десять там не был.

* * *

Ржавые ветл паруса
Осень сдувает в реку —
«Человек ниоткуда» ей имя

Паутину с остывшем солнцем
Тянут, к югу спешащие, гуси,
За собой тянут к югу гуси.

Все забыто — восток и север;
Как слепой крошит хлеб на землю,

Человек ниоткуда — «осень»,—
Сам с собой говорит,
И ветер — жесты рук,—
Его слов исполненье.

* * *

Быть, кем еще не был,
И кем уже будешь;
Путь мысли высоко,
Путь сердца еще выше.